

Научная статья
УДК 327(73:575) + 321.01:339.924 + 341.24(575)
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/140-146>

Механизм "5+1" во взаимодействии США с Центральной Азией: мотивация применения и выдвинутые инициативы

Яна Валерьевна Лексютина
Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия, lexyana@ya.ru

Аннотация. В последние годы механизм "5+1" стал ключевым форматом многостороннего взаимодействия с Центральной Азией многих внерегиональных акторов, включая США. Цель статьи – выявление закономерностей в эволюции созданного в 2015 г. механизма "5+США", прослеживание его функциональных трансформаций и фиксация программ, выдвинутых в его рамках за период с 2015 по 2025 гг. Методология исследования включает анализ документов, инициатив и программ, реализованных в рамках "5+США", а также оценку изменений в приоритетах Вашингтона. Основные результаты исследования показывают, что в рамках "5+США" был инициирован и функционирует ряд финансируемых Вашингтоном региональных программ, механизм прошёл путь от нерегулярных диалогов на министерском уровне и взаимодействия по линии трех тематических рабочих групп до институционализированного формата с секретариатом, проведения саммитов глав государств, Диалога "5+1" по критически важным минералам и деловых форумов "B5+1". Выводы исследования подчёркивают, что динамика развития "5+США" определяется геополитическими интересами Вашингтона в Центральной Азии с акцентом на противодействие влиянию Москвы и Пекина там. Однако устойчивость региональных инициатив Вашингтона в рамках "5+США" зависит от подхода конкретной американской администрации.

Ключевые слова: *Центральная Азия, США, механизм "5+1", "5+США", геополитические интересы*

Для цитирования: Лексютина Я. В. Механизм "5+1" во взаимодействии США с Центральной Азией: мотивация применения и выдвинутые инициативы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 2. С. 140–146. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/140-146>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/140-146>

The C5+1 Mechanism in US Interaction with Central Asia: Motivation for Implementation and Announced Initiatives

Yana V. Leksyutina
Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, lexyana@ya.ru

Abstract. In recent years, the C5+1 mechanism has become a key instrument for multilateral interaction with Central Asia for many extra-regional actors, including the United States. The purpose of this article is to identify patterns in the evolution of the C5+US mechanism created in 2015, track its functional transformations, and highlight the programs put forward within its framework over the period from 2015 to 2025. The research methodology includes an analysis of documents, initiatives, and programs implemented within the C5+US mechanism, as well as an assessment of changes in Washington's priorities. The main results of the study show that a number of Washington-funded regional programs have been initiated and are functioning within the 5+US framework; the mechanism has evolved from irregular dialogues at the ministerial level and interaction through three thematic working groups to an institutionalized format with a secretariat, summits of heads of state, the C5+1 Critical Minerals Dialogue, and the B5+1 business forums. The study's findings highlight that the dynamics of the C5+US are determined by Washington's geopolitical interests in Central Asia, with an emphasis on countering Moscow and Beijing's influence there. However, the sustainability of Washington's regional initiatives within the C5+US depends on the approach of a particular presidential administration in the US.

Key words: *Central Asia, the US, C5+1 mechanism, C5+US, geopolitical interests*

For citation: Leksyutina Y. V. The C5+1 Mechanism in US Interaction with Central Asia: Motivation for Implementation and Announced Initiatives // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 140–146. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/140-146>

В последние годы во взаимодействии с пятью странами Центральной Азии внешние акторы всё чаще стали использовать механизм многостороннего взаимодействия "5+1". Первым подобного рода шестисторонним форматом стал созданный в 2004 г. механизм "5+Япония". Вслед за Токио и другие крупные внешние акторы стали постепенно инициировать создание шестистороннего механизма взаимодействия со странами Центральной Азии (в 2007 г. – Южная Корея, в 2015 г. – США и т. д.).

Поначалу процесс создания механизмов "5+1" внешними акторами шёл медленно, уровень взаимодействия сторон не превышал министерский, шестисторонние встречи зачастую носили нерегулярный характер, и сам механизм долгое время рассматривался не как приоритетный при выстраивании сотрудничества с Центральной Азией, а как дополнительный и главным об-

разом диалоговый. При создании механизмов "5+1", все страны за отправную точку брали проведение встреч министров иностранных дел, затем постепенно обогащая и совершенствуя механизм в соответствии со своими интересами и реалиями развития, в итоге выведя диалог на уровень встреч глав государств (этот феномен стал проследиваться с 2022 г.).

Волна создания новых механизмов "5+1" пришлась на 2019–2020 гг. Тогда шестисторонние механизмы были инициированы Индией, Россией, Китаем. На сегодняшний день уже многие акторы, включая Японию, Южную Корею, Европейский союз, США, Вышеградскую группу, Китай, Индию, Россию, Италию, Германию, создали этот механизм. Резкий всплеск интереса внешних акторов к данному формату, характерный для последних шести лет (с 2019 г.), проявляется не только в числе созданных механизмов "5+1", но и в развитии и институционализации этих механизмов. Из диалогового форума, созданного для обсуждения представляющих встречный интерес вопросов, "5+1" постепенно трансформируется в механизм, направленный на достижение конкретных результатов, – инициирования с последующей имплементацией различных договоренностей практического взаимодействия и целевых программ, получающих финансовую поддержку со стороны внешних акторов.

Обозначившийся с 2019 г. резкий всплеск интереса внешних акторов к формату "5+1" во многом был обусловлен трансформацией регионального ландшафта Центральной Азии: в регионе получили динамичное развитие процессы формирования государствами Центральной Азии единого взаимосвязанного регионального пространства. Улучшение отношений между центральноазиатскими государствами и проявившийся прогресс в региональном сотрудничестве и интеграции создали предпосылки для интенсификации участия внешних акторов в делах Центральной Азии и побудили их изменить прежний фокус взаимодействия с регионом в двустороннем формате в пользу многостороннего подхода к взаимодействиям одновременно со всеми пятью государствами [10, с. 83].

В случае с США, однако, региональный контекст – в частности, процессы региональной интеграции, активизировавшиеся с 2018 года, – хотя и сыграл определенную роль, не был определяющим фактором в динамике развития формата "5+1". Цель представленной статьи состоит в выявлении закономерностей в эволюции механизма "5+США", проследивании изменений в функциональном дизайне этого механизма и фиксации инициатив и программ, выдвинутых в его рамках.

Становление и начальный период развития механизма "5 + США" (2015–2020 гг.)

При выстраивании взаимодействия со странами Центральной Азии в инструментарии Вашингтона механизм "5+1" появился достаточно рано – в 2015 г., когда процессы региональной интеграции в Центральной Азии ещё не получили своего развития, а другие крупные региональные игроки (Китай, Россия и пр.) даже не задумывались о создании механизмов "5+1". Его создание не означало приоритетность этого региона в американских внешнеполитических расчетах, но сигнализировало о возросшем интересе Вашингтона к Центральной Азии в тот исторический момент. Как отмечает Е. Г. Гарбузарова, украинский кризис 2014 г. и нарастание американско-российских противоречий актуализировали интерес Вашингтона к Центральной Азии и способствовали усилению дипломатической активности США там [2, с. 28]. Усилия Вашингтона, по оценкам Е. Г. Гарбузаровой [2, с. 33], были направлены на "подрыв" российских и китайских региональных позиций, для чего американская администрация расширяла инструментарий реализации своей региональной политики и спектр рычагов влияния в регионе. Другой российский эксперт, Е. С. Алексеенкова, американскую инициативу создания формата "5+1" связывает с возникшими в Вашингтоне опасениями "остаться аутсайдером в процессах, происходящих в регионе", а именно ввиду возросшей региональной активности Китая в продвижении инициативы "Пояс и путь" и создания ЕАЭС с вхождением в него Казахстана и Киргизии, что свидетельствовало об их готовности развивать тесное сотрудничество с Россией и Беларусью [1, с. 31].

И действительно, при оценке американской политики в регионе следует учитывать то, что сам регион Центральной Азии для Вашингтона вряд ли когда-либо имел самостоятельную ценность. Географическая удаленность региона от США, отсутствие выхода к Мировому океану, его плохая встроенность в мировые транспортно-логистические коридоры и цепочки добавленной стоимости – всё это ограничивало интерес США к региону. Цели США в Центральной Азии всегда были тесно связаны с реализацией преимущественно геополитических и геоэкономических интересов. Центральная Азия рассматривалась как важный регион ввиду его географического положения между геополитическими соперниками США (Россией и Китаем) и нестабильной Южной Азией (с акцентом на Афганистан). Близость Центральной Азии к таким геополитическим акторам, как Россия, Китай, Индия, Пакистан и Иран, обуславливали и интерес США к Центральной Азии. Вашингтон традиционно стремился ослабить влияние России в регионе и предотвратить появление новых влиятельных игроков, а именно Китая и Ирана, а на этапе войны с мировым терроризмом – использовать регион в качестве логистического узла для военного доступа и операций в борьбе с транснациональными угрозами, такими как терроризм и исламистские группировки [6, р. 17]. В американской стратегии в отношении Центральной Азии от 2020 г. открыто прописаны тезисы, имеющие вполне читаемый подтекст: "Основной стратегический интерес Соединенных Штатов в этом регионе заключается в построении более стабильной и процветающей Центральной Азии, которая может свободно преследовать политические, экономические и оборонные интересы с различными партнерами на своих условиях", "США будут работать со странами Центральной Азии в целях ... укрепить их независимость от злонамеренных субъектов" [8].

Как полагает китайский эксперт Сюй Цзюнь, инициирование Вашингтоном формата "5+1" было вызвано нарастающей геополитической напряженностью, возникшей после событий 2014 г., стремлением привлечь потенциальных союзников России в новые форматы взаимодействия для геополитического противостояния, а также может рассматриваться как один из элементов санкций в отношении России [4, с. 123–132]. Новый консультативный механизм ("5+1") в определенном смысле был призван противостоять интеграционным инициативам в регионе, возглавляемым Россией и Китаем [4, с. 123–132].

На официальном же уровне механизм "5+1" позиционировался Вашингтоном как формат диалога и платформа для совместных усилий США и пяти государств Центральной Азии по решению общих проблем с акцентом на те, где региональный подход мог обеспечить сравнительное преимущество. На первой министерской встрече "5+1", состоявшейся в Самарканде в ноябре 2015 г., главы внешнеполитических ведомств договорились сосредоточиться на трёх секторах, представляющих общий интерес: безопасность, с акцентом на террористические угрозы; экономика, с фокусом на улучшение региональных торговых потоков и перспектив торговли и инвестиций из США; и окружающая среда, с упором на поиск ответов на вызовы изменения климата. Было принято решение о формировании тематических рабочих групп для каждого из секторов и приложении усилий в целях достижения практических результатов.

На прошедшей в августе 2016 г. второй министерской встрече "5+1" был инициирован запуск пяти проектов в трёх приоритетных секторах при финансовой поддержке со стороны США в размере 15 млн долл.:

- проект создания регионального диалога "Глобальный контртеррористический форум" (Global Counterterrorism Forum, GCTF), который бы объединил политиков и экспертов в данной области из Центральной Азии и из-за рубежа для обмена мнениями об угрозе со стороны иностранных террористов-боевиков, а также продвижения передовых практик и региональных подходов к борьбе с терроризмом;
- проект "Конкурентоспособность бизнеса в Центральной Азии", направленный на содействие предпринятиям в Центральной Азии в увеличении их экспорта и выходу на новые рынки;
- проект "Развитие транспортных коридоров", нацеленный на сокращение стоимости и времени перемещения товаров через границы в Центральной

Азии, а также на повышение качества транспортных и логистических услуг во всём регионе;

- проект "Power the Future", призванный содействовать масштабированию возобновляемой энергии по всей Центральной Азии посредством предоставления обучения и технической помощи по стратегическому энергетическому планированию, конкурентным закупкам, интеграции сетей, интеллектуальным стимулам, зонам возобновляемой энергии и инновационному финансированию;

- проект "Планирование поддержки национальной и региональной адаптации", направленный на повышение потенциала государств Центральной Азии в планировании адаптации к последствиям изменения климата [9].

Следует отметить, что первый из указанных проектов должен был осуществляться под эгидой Института мира США, а другие четыре – Агентства по международному развитию (USAID).

Однако, ввиду смены американской администрации в 2017 г., динамика развития этого механизма временно замедлилась. Так, госсекретарь США не присутствовал на ежегодных заседаниях глав внешнеполитических ведомств механизма два года подряд – в 2017 и 2018 гг. [10, с. 79]. Только в 2019 г., с некоторой корректировкой стратегии США в Центральной Азии, механизм "5+1" вновь привлёк внимание Вашингтона. В 2019 и 2020 гг. были проведены две министерские встречи.

Институциональный и функциональный дизайн механизма "5+1" на начальном этапе его развития в 2015–2020 гг. был ограничен взаимодействием сторон в форме министерских встреч с участием глав (или представителей) внешнеполитических ведомств шести стран, по линии специально созданных трёх тематических рабочих групп – по экономике, энергетике и окружающей среде, безопасности – и по линии встреч экспертов. На министерские встречи "5+1" США направляли межведомственную группу, сформированную из представителей Государственного департамента, Министерства торговли, Министерства финансов и Министерства обороны, а также представителей Белого дома [7, р. 9]. Однако, как следует из результатов интервьюирования высокопоставленных должностных лиц, дипломатов, бизнесменов и местных экспертов из стран Центральной Азии, американские представители были недостаточно хорошо подготовлены к встречам и не способны обозначить приоритеты, отсутствовал формат Q&A в ходе встреч, совместные заявления после проведения встреч носили общий и расплывчатый характер и, напротив, взаимодействие с США было "перегружено" различными вебинарами, тренингами и проч. [7, р. 9]. Недовольство вызывало и использование Вашингтоном формата "5+1" для дальнейшего обсуждения вопросов детского труда, прав человека, демократизации, однополых отношений и браков, проч. Выносимые на обсуждение американской стороной вопросы, как отмечают эксперты, не всегда соответствовали первоочередной заинтересованности стран Центральной Азии. Так, на повестке дня встреч "5+1" вплоть до вывода американского контингента из Афганистана в 2021 г. преобладали вопросы, касавшиеся исключительно этой страны, а не пяти государств Центральной Азии. На временном же этапе ситуация зеркально изменилась: в то время как Вашингтон стал игнорировать обсуждение афганского вопроса, все пять стран Центральной Азии скоординировано поддерживают его рассмотрение в рамках "5+1" [7, р. 17–18].

Развитие механизма "5 + США" после 2021 г.

С приходом в 2021 г. новой американской администрации – демократической с Дж. Байденом во главе – частота встреч в рамках механизма "5+США" значительно возросла. Так, например, в период с сентября 2021 г. по март 2023 г. США и пять стран Центральной Азии провели пять министерских встреч. Более того, в дополнение к министерским встречам в сентябре 2021 г. была проведена виртуальная встреча Специального посланника президента США по вопросам климата Дж. Керри с представителями стран Центральной Азии.

Интенсивность дипломатического взаимодействия США со странами Центральной Азии кратно возросла ввиду раскручивания конфронтационного сценария развития российско-американских отношений после февра-

ля 2022 г., заинтересованности Вашингтона в привлечении стран региона к санкционному давлению на Россию и в разрыве тесной "связки" России с Центральной Азией.

В сентябре 2022 г. на полях Генеральной Ассамблеи ООН прошла очередная министерская встреча, в ходе которой американская сторона объявила о запуске Инициативы экономической устойчивости в Центральной Азии (Economic Resilience Initiative in Central Asia, ERICEN), нацеленной на обеспечение экономической устойчивости стран региона в условиях новой геополитической ситуации. США намеревались выделить странам региона 25 млн долл. на 2022 финансовый год на цели диверсификации торговых путей, расширения возможностей по привлечению зарубежных инвестиций в регион и увеличения возможностей трудоустройства путём предоставления населению Центральной Азии практических навыков, востребованных современным рынком труда. Также было заявлено о намерении США выделить ещё 20 млн долл. на 2023 финансовый год для расширения программ в рамках "ERICEN". Также планировалось выделить 5 млн долл. на поддержку региональной взаимосвязанности посредством экономических и энергетических программ, что в общей сложности составляло обязательства США в размере 50 млн долл. на региональные программы.

В рамках инициативы был предусмотрен запуск программы "C5+O.N.E./Opening Networks Through English" (расширение сетевого взаимодействия через английский язык), предусматривающей выделение США 5 млн долл. в поддержку региональных усилий по формированию рабочей силы XXI в. и привлечению иностранных инвестиций путём приоритетного обучения английскому языку для молодых специалистов в критически важных секторах. Заявленная цель программы состояла в развитии сети специалистов из Центральной Азии, работающих в сфере экономики, энергетики и охраны окружающей среды, с достаточным уровнем владения английским языком для взаимодействия с региональными и международными партнерами. Миссия программы состояла в создании "сплочённой сети англоговорящих профессионалов и содействии установлению связей между новыми лидерами в регионе и их американскими коллегами" [5]. Программа была запущена, и в октябре 2024 г. прошёл уже 3-й выпуск участников данной 9-месячной программы.

С 2022 г. формат "5+1" стал обретать четкие очертания. После встречи министров иностранных дел "5+1" в сентябре 2022 г. стороны объявили о создании секретариата для установления официальных процедур определения и продвижения общих приоритетов, координации коммуникаций между участвующими правительствами и планирования министерских встреч высокого уровня и других мероприятий. Механизм "5+1" между США и пятью странами Центральной Азии стал первым подобным механизмом, учредившим секретариат.

Наконец, в сентябре 2023 г. на полях Генеральной Ассамблеи ООН США и пять стран Центральной Азии провели первый саммит глав государств в формате "5+1", повысив уровень взаимодействия в рамках этого механизма. Символичность саммита состояла в его беспрецедентности: ранее ни один американский президент не осмеливался провести личные встречи с лидерами Центральной Азии ввиду репутационных издержек подобного рода встречи с главами, как видится в Вашингтоне, недемократических государств.

В ходе этого саммита Дж. Байден предложил запустить Диалог "5+1" по критически важным минералам в целях "дальнейшего развития огромных минеральных богатств Центральной Азии и повышения безопасности важнейших полезных ископаемых" [3]. Этот диалог должен был стать площадкой для обмена информацией о важнейших проблемах и возможностях в области соответствующих полезных ископаемых, способствовать развитию связей между правительствами и частным сектором, стимулировать инвестиции и осуществлять сотрудничество в цепочках поставок важнейших полезных ископаемых. Китайские эксперты расценили эту инициативу как направленную против Китая, доминирующего сейчас в сфере мировой добычи и экспорта редкоземельных элементов, и нацеленную на вытеснение Китая из цепочек добавленной стоимости [10, с. 79]. Уже в феврале 2024 г. состоялся первый Диалог "5+1" по критически важным минералам с участием высших должностных лиц всех шести стран. Создание диалога свидетельствует о растущем

интересе США к критически важным редкоземельным элементам Центральной Азии и о встречной заинтересованности стран региона в американских инвестициях в сферу разработки критически важных минералов.

Также на первом саммите "5+1" в сентябре 2023 г. президент США Дж. Байден выдвинул инициативу создания форума "B5+1" как деловой платформы частного сектора, которая дополнит дипломатическую платформу "5+1" и будет способствовать диалогу между государственным и частным секторами для содействия расширению экономического партнерства США и Центральной Азии. За созданием форума "B5+1" стояла цель привлечения частного сектора к достижению целей экономического и энергетического коридора дипломатической платформы "5+1".

В марте 2024 г. в г. Алматы состоялся первый форум "B5+1", в ходе которого была проведена серия дискуссий об экономических возможностях для бизнеса в Центральной Азии и США и предложены рекомендации по улучшению условий ведения бизнеса в регионе, продвижению региональной экономической интеграции, конкурентных рынков и привлечению иностранных инвестиций в регион. Были выделены пять приоритетных отраслей как наиболее привлекательных для международных инвесторов и имеющих решающее значение для развития региональных рынков: транспорт и логистика, электронная коммерция, туризм, "зелёная" и возобновляемая энергетика и агробизнес.

По завершению форума были обозначены намерения проводить форум "B5+1" ежегодно с ротацией спонсорства между странами-членами; сформировать подгруппу "B5+1" по улучшению финансового сектора в регионе путём налаживания новых партнерских отношений между США и странами Центральной Азии; создать подгруппу "B5+1" по женскому предпринимательству для продолжения диалога и совместных действий по расширению деловых возможностей женщин в Центральной Азии.

* * *

Таким образом, динамика содержания и направленности развития механизма "5+1" может служить важным индикатором заинтересованности Вашингтона во взаимодействии с Центральной Азией и изменений его региональной политики, подверженной влиянию геополитических обстоятельств и смены американских администраций. С одной стороны, и само появление этого механизма в 2015 г., и его динамичное развитие с 2022 г. совпало, а точнее, во многом было обусловлено новыми геополитическими обстоятельствами – переходами на новые уровни конфронтации в американо-российских отношениях (после 2014 г. и февраля 2022 г. соответственно), а также появлением и развитием – с участием стран Центральной Азии – возглавляемых Китаем и Россией инициатив, направленных на усиление связанности ("Пояс и путь" и ЕАЭС). В развитии механизма "5+1" прослеживается и ещё одна закономерность – механизм динамично развивался при американских администрациях президентов-демократов (Б. Обамы и Дж. Байдена) и, напротив, его развитие замедлилось при первой администрации Д. Трампа. К настоящему моменту механизм "5+1" достиг некоторого уровня зрелости: на постоянной основе действуют три тематические рабочие группы, создан секретариат, начали действовать Диалог "5+1" по критически важным минералам и форум "B5+1", в рамках "5+1" был инициирован и функционирует целый ряд финансируемых Вашингтоном региональных программ. Однако в свете возвращения Д. Трампа в американскую администрацию, с учётом опыта его первой администрации и ввиду первых предпринятых им шагов (в частности, закрытия Агентства по международному развитию, через которое реализовывался целый ряд инициированных механизмом "5+1" региональных программ), есть вероятность, по меньшей мере, временного снижения масштабов взаимодействия США со странами Центральной Азии по линии "5+1".

Литература / References

1. Алексеевкова Е. С. Сравнительный анализ деятельности созданных в Центральной Азии форматов "5+1" (с участием США, Южной Кореи, Японии и ЕС) // Международная аналитика. 2017. № 1 (19). С. 29–41.
Alekseenkova E. S. A Comparative Analysis of the Activities of "5+1" Formats' Launched in Central Asia with Participation of the US, Republic of Korea, Japan, and the EU // Journal of International Analytics. 2017. № 1 (19). P. 29–41. (In Russ.).
2. Гарбузарова Е. Г. Политика США в Центральной Азии: фазы активности // Проблемы постсоветского пространства. 2023. № 10 (1). С. 26–36.
<https://doi.org/10.24975/2313-8920-2023-10-1-26-36>
Garbuzarova E. G. U.S. Policy in Central Asia: Phases of Activity // Post-Soviet Issues. 2023. 10 (1). P. 26–36. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2023-10-1-26-36>
3. Совместное заявление лидеров C5+1. 20.09.2023. URL: <https://kg.usembassy.gov/ru/c51-leaders-joint-statement/> (дата обращения: 15.03.2025).
Joint Statement of the Leaders of C5+1. 20.09.2023. URL: <https://kg.usembassy.gov/ru/c51-leaders-joint-statement/> (accessed 15.03.2025). (In Russ.).
4. Сюй Цзюнь. Формат сотрудничества C5+1: основные участники, цели и механизмы взаимодействия // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 89. С. 123–132.
<https://doi.org/10.17223/19988613/89/15>
Xu Jun. C5+1 Cooperation Format: Main Participants, Goals and Mechanisms of Interaction // Tomsk State University Journal of History. 2024. № 89. P. 123–132. <https://doi.org/10.17223/19988613/89/15>
5. C5+O.N.E. (Opening Networks through English). URL: https://static1.squarespace.com/static/5e4c590fa5c04838188b596e/t/676e7bbb7c73d953d96cf83b/1735293883850/RU_C5%2BO.N.E.+%28Opening+Networks+through+English%29+Fact+Sheet.pdf (accessed 20.03.2025).
6. Raimondi P. P. Central Asia Oil and Gas Industry – The External Powers' Energy Interests in Kazakhstan, Turkmenistan and Uzbekistan, Working Paper, No. 006.2019. Milano: Fondazione Eni Enrico Mattei (FEEM), 2019. 76 p.
7. Starr S. F. U. S. Policy in Central Asia through Central Asian Eyes. Washington: Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program, 2023. 27 p.
8. United States Strategy for Central Asia 2019-2025. 2020. URL: <https://2017-2021.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/FINAL-CEN-Strategy-Glossy-2-10-2020-508.pdf> (accessed 02.03.2025).
9. U.S.-Central Asia (C5+1) Joint Projects. URL: https://tj.usembassy.gov/wp-content/uploads/sites/143/2016/08/c5-1-fact-sheet_english.pdf (accessed 11.03.2025).
10. 邓 轲. 大国与中亚国家间"C5+1"对话机制的发展现状、动因与前景 = Дэн Чжоу. Текущее состояние, мотивация и перспективы диалогового механизма "C5+1" между великими державами и странами Центральной Азии // 新疆大学学报 (哲学社会科学版) = Журнал Синьцзянского университета (издание по философии и общественным наукам). 2024. Т. 52. № 3. С. 78–85.
Deng Zhou. The Current Situation, Motivations and Prospects of the Development of the "C5+1" Dialogue Mechanism between Great Powers and Central Asian Countries // Journal of Xinjiang University (Philosophy and Social Sciences). 2024. Vol. 52, №. 3. P. 78–85. (In Chin.).

Информация об авторе

Яна Валерьевна Лексютина, д-р полит. наук, главный научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия, e-mail: lexyana@ya.ru

Information about the author

Yana V. Leksyutina, Doctor of Political Sciences, Chief Researcher, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: lexyana@ya.ru

Поступила в редакцию 23.03.2025

Одобрена после рецензирования 14.05.2025

Принята к публикации 26.05.2025

Received 23.03.2025

Approved 14.05.2025

Accepted 26.05.2025